

сами и дикарскимъ одѣяніемъ, если утопичны идеи пресловутаго союза добродѣтели, или Тугендунда, и непонятень фанатизмъ черно - красно - золотого преодолѣнія старой розни и сепаратизма, то на самомъ дѣль ни одно массовое движение, ни одинъ крупный подъемъ народнаго чувства не обходится безъ подобныхъ преувеличеній. И если въ национальномъ движениі прусскаго обновленія таились съмена будущаго национальнаго высокомѣрія и шовинизма, то, съ другой стороны, въ нихъ были заложены и начатки будущаго освободительнаго движениія «сумасшедшаго» 1848 года.

M. Рейнеръ.

Проф. Стеффенсенъ призываетъ къ защитѣ свободы. (Кампфа).

IV. Союзъ Россіи съ Пруссіей.

В. Н. Перцева.

ще задолго до того, какъ растаяла въ снѣгахъ Россіи великая армія Наполеона, почти во всѣхъ слояхъ прусского общества возникало горячее желаніе вывести Пруссію изъ того униженія, въ которое повергъ ее тильзитскій миръ, и снова поставить ее въ положеніе независимаго государства. И апологеты вѣнчанаго могущества Пруссіи, выше всего цѣнившіе военную славу, и либералы, проникнутые искреннимъ стремлѣніемъ къ внутреннему возрожденію родной страны, и простой народъ, разоряемый гнетомъ военного постоя и военной контрибуціей, и бургеры, истощаемые континентальной блокадой, и родовитые аристократы, вынужденные склонять свою кастовую гордость предъ «выскочкой» Наполеономъ и его маршалами-солдатами, и лирическіе поэты, и отвлеченные мыслители,—словомъ, всѣ группы, сословія и классы прусскаго народа

были охвачены страстью ненавистью къ поработителямъ - французамъ и съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда измѣнятся международные отношенія и великий корсиканецъ перестанетъ быть властнымъ хозяиномъ почти всей Европы. Чувство национальной обиды захватило даже и коснаго, нерѣшительнаго, слабаго умомъ и волей, короля Фридриха-Вильгельма III; и въ его вяломъ умѣ явилась мысль, что для сверженія наполеоновскаго ига необходимъ рядъ реформъ внутри страны, которыя оживили бы омертвившее тѣло прусского народа, и прежде всего реорганизація на болѣе демократическихъ и либеральныхъ началахъ всего военного дѣла необходима въ Пруссіи. Генералъ Шарнгорстъ, поставленный во главу реорганизаціи арміи, быстрыми шагами пошелъ къ реформѣ воинскаго дѣла; онъ добился уничтоженія вербовки въ армію иноземныхъ солдатъ, видѣвшихъ въ военной службѣ только одинъ заработокъ, равнодушныхъ къ защите родины и удерживаемыхъ въ повиновеніи лишь при помощи жестокой дисциплины, онъ открылъ доступъ къ офицерскимъ мѣстамъ людямъ всѣхъ сословій (раньше офицерами могли быть только дворяне) и уничтожилъ этимъ кастовую оторванность офицерства отъ остального народа; онъ ввелъ въ армію болѣе гуманное отношеніе къ нижнимъ чинамъ, и этимъ поднялъ достоинство прусского солдата, внушилъ ему самоваженіе иувѣренность въ себѣ; чтобы увеличить численный составъ готовыхъ къ боевой службѣ людей и въ то же время не нарушить условія тильзитскаго мира, запрециавшаго держать подъ знаменами болѣе 42 тысячъ человѣкъ, онъ ввелъ особую систему быстраго обученія рекрутовъ, по которой всякий прусскій подданный (кромѣ привилегированныхъ лицъ) обязанъ былъ поступать на одинъ мѣсяцъ въ армію и, быстро прошедши курсъ военного обучения, отпускался домой, освобождая мѣсто новымъ рекрутамъ. Но уничтожить изъятія для привилегированныхъ классовъ и ввести всеобщую воинскую повинность король еще не рышался тогда, боясь вызвать недовольство высшихъ сословій Пруссіи и гнѣвъ Наполеона. Начало реорганизаціи арміи было все-таки положено. Съ новыми солдатами, и ополченцами, и офицерами уже можно было думать о серьезной борьбѣ противъ Франціи. Но еще до общаго выступленія всей Пруссіи противъ Наполеона произошло нѣсколько частичныхъ восстаний отдельныхъ частей арміи подъ начальствомъ нѣкоторыхъ офицеровъ; эти

Во время французского господства. (Heuseler).

составъ готовыхъ къ боевой службѣ людей и въ то же время не нарушить условія тильзитскаго мира, запрециавшаго держать подъ знаменами болѣе 42 тысячъ человѣкъ, онъ ввелъ особую систему быстраго обученія рекрутовъ, по которой всякий прусскій подданный (кромѣ привилегированныхъ лицъ) обязанъ былъ поступать на одинъ мѣсяцъ въ армію и, быстро прошедши курсъ военного обучения, отпускался домой, освобождая мѣсто новымъ рекрутамъ. Но уничтожить изъятія для привилегированныхъ классовъ и ввести всеобщую воинскую повинность король еще не рышался тогда, боясь вызвать недовольство высшихъ сословій Пруссіи и гнѣвъ Наполеона. Начало реорганизаціи арміи было все-таки положено. Съ новыми солдатами, и ополченцами, и офицерами уже можно было думать о серьезной борьбѣ противъ Франціи. Но еще до общаго выступленія всей Пруссіи противъ Наполеона произошло нѣсколько частичныхъ восстаний отдельныхъ частей арміи подъ начальствомъ нѣкоторыхъ офицеровъ; эти

возстанія были, конечно, неудачны и казались въ то время даже комическими по ничтожному количеству ихъ участниковъ; но они свидѣтельствовали о великомъ подъемѣ, охватившемъ въ то время часть прусской арміи.

Когда австрійцы въ 1809 году подняли новую войну противъ Наполеона, то командиръ одного гусарскаго полка полковникъ Шилль, надѣясь увлечь своимъ примѣромъ всю прусскую армію, двинулся со своимъ небольшимъ отрядомъ противъ французовъ. Это безумно-храбре предпріятіе кончилось полной неудачей: пруссаки въ то время еще далеко не былиувѣрены въ своихъ силахъ, и за Шиллемъ почти никто не послѣдовалъ. Шилль и всѣ офицеры его отряда заплатили жизнью за свою смѣльную попытку,—они были частью убиты, частью разстрѣляны, но все же моральное значеніе похода Шилля было велико: онъ далъ примѣръ самопожертвованія для блага родины и показалъ, что въ Пруссіи, униженной и раздавленной, еще не угасъ духъ героизма. Не даромъ послѣ слагали въ его честь пѣсни; не даромъ искренийшій пѣвецъ национальнаго возрожденія Пруссіи, Эрнстъ Арндтъ, видѣлъ въ немъ народнаго героя и о его походѣ писалъ:

Ihn sendet kein Kaiser, kein König aus,
Ihn sendet die Freiheit, das Vaterland aus¹⁾.

Аналогично было предпріятіе и молодого герцога Брауншвейгскаго, вассального прусскаго князя, двинувшаго полуторатысячный отрядъ своего маленькаго княжества на помощь австрійскому императору: онъ не только никого не увлекъ за собой, но и самъ едва успѣлъ спастись на англійскія суда. Было ясно, что въ самой Пруссіи, несмотря на народную ненависть къ французамъ и на героическія выступленія отдельныхъ лицъ, еще нѣть достаточно силъ для борьбы съ Наполеономъ, и что пруссаки смогутъ только поддержать другое, болѣе крупное движение, примкнувъ къ нему, но не сумѣютъ сами его возбудить, не найдутъ въ себѣ самихъ достаточно энергіи для самостоятельной борьбы съ великимъ завоевателемъ. Однимъ словомъ, Пруссія нуждалась тогда въ посторонней поддержкѣ и во внѣшнемъ толчкѣ со стороны; такимъ толчкомъ явилось извѣстіе о гибели наполеоновской арміи и о движении русскихъ войскъ на Западъ.

Союзъ съ Наполеономъ передъ началомъ войны между Россіей и Франціей со стороны прусскаго короля былъ явно неискреннимъ. Пруссія гораздо болѣе сочувствовала Россіи, отъ которой она имѣла основаніе ожидать восстановленія ея прежнихъ, урѣзанныхъ тильзитскимъ миромъ, границъ и освобожденія отъ французскаго ига. Но Наполеонъ поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же рѣшительно, какъ и всегда. Онъ прямо заявилъ, что если Пруссія свяжетъ себя съ Россіей, то онъ пошлетъ въ Берлинъ 150-тысячный отрядъ. «Если непосредственнымъ слѣдствіемъ этого,—писалъ онъ дальше,—будетъ уничтоженіе Пруссіи, она можетъ тогда пенять только на себя... Пруссія будетъ тогда жертвой непреодолимаго рока, и она покорится своей участіи». Только подъ этой недвусмысленной угрозой полнаго уничтоженія Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ III подписалъ договоръ съ Франціей; но и тутъ онъ старался не порывать съ Россіей окончательно, и ужъ

1) Ни императоръ, ни король не посыпаютъ его,—его посыпаетъ свобода и отчизна.

послѣ заключенія договора съ Наполеономъ писалъ Александру: «Если вспыхнетъ война, мы будемъ причинять другъ другу зло только въ случаѣ суровой необходимости. Мы всегда будемъ вспоминать, что мы находимся въ согласіи, что въ одинъ прекрасный день мы должны снова сдѣлаться союзниками, и хотя мы будемъ уступать непреодолимой судьбѣ, мы будемъ сохранять свободу и искренность нашихъ чувствъ»... Уволивъ для вида одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ противниковъ Наполеона—военного министра Гнейзенау, Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ его съ порученiemъ объѣздить Австрію, Россію, Швецію, Данію и Англію, чтобы подготовить въ этихъ государствахъ почву для новой борьбы съ Наполеономъ. Давъ согласіе на образование въ помощь Наполеону вспомогательного отряда въ 20 тысячъ, онъ назначилъ въ этотъ корпусъ крайне ненадежнаго, явно сочувствовавшаго Россіи генерала Йорка фонъ - Вартенбурга. Самъ Александръ понималъ, что союзъ Пруссіи съ Наполеономъ—вынужденный союзъ. Раньше онъ принялъ къ себѣ великаго прусскаго реформатора Штейна, изгнаннаго изъ Пруссіи по требованію Наполеона за попытку подготовить восстание противъ французскаго императора. Штейнъ и въ изгнаніи не оставилъ своей мысли о возстаніи противъ Франціи; онъ образовалъ «Германскій комитетъ», который ставилъ своею цѣлью волновать Германію и подготовлять ее къ освобожденію отъ французовъ. Александръ далъ полную свободу и Штейну, и образованному имъ комитету. А въ октябрьскіе дни 1812 г., когда въ Москвѣ догорало пламя опустошившихъ ее пожаровъ и начинала выясняться неудача всего похода Наполеона противъ Россіи, князь Ливенъ писалъ въ Берлинъ отъ имени Александра. «Рѣшеніе присоединиться къ врагамъ Россіи, принятое прусскимъ королемъ, императоръ простила въ сердцѣ; онъ ничего лучшаго и не желаетъ, какъ изгладить воспоминаніе объ этомъ, и если бы какое-либо изъ королевствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, могло быть уничтожено, то Россія заявляетъ, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своихъ союзниковъ». Это было уже вполнѣ яснымъ обѣщаніемъ дать Пруссіи (а также и Австріи) новыя территории, вознаградить ее за униженіе 1807 г. и снова возвести въ рангъ первокласснаго

„И на нашей улицѣ праздники“, кричать пруссаки.
(Карик. Венеціанова).

Германскій комитетъ», который ставилъ своею цѣлью волновать Германію и подготовлять ее къ освобожденію отъ французовъ. Александръ далъ полную свободу и Штейну, и образованному имъ комитету. А въ октябрьскіе дни 1812 г., когда въ Москвѣ догорало пламя опустошившихъ ее пожаровъ и начинала выясняться неудача всего похода Наполеона противъ Россіи, князь Ливенъ писалъ въ Берлинъ отъ имени Александра. «Рѣшеніе присоединиться къ врагамъ Россіи, принятое прусскимъ королемъ, императоръ простила въ сердцѣ; онъ ничего лучшаго и не желаетъ, какъ изгладить воспоминаніе объ этомъ, и если бы какое-либо изъ королевствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, могло быть уничтожено, то Россія заявляетъ, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своихъ союзниковъ». Это было уже вполнѣ яснымъ обѣщаніемъ дать Пруссіи (а также и Австріи) новыя территории, вознаградить ее за униженіе 1807 г. и снова возвести въ рангъ первокласснаго

государства. Было бы страннымъ непониманіемъ собственной выгоды, если бы Пруссія не откликнулась на этотъ призывъ.

Но надо было дѣйствовать очень осторожно. Въ ноябрь и декабрь 1812 г. великая армія Наполеона уже растаяла, но въ Митавѣ стоялъ еще корпусъ французского генерала Макдональда, который шелъ теперь на Пруссію; генераль Ожеро еще занималъ Берлинъ съ 12 тысячью солдатъ. Ко всему этому присоединялось еще обаяніе непобѣдимаго имени Наполеона, который не разъ выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, котораго боялись даже и теперь, когда у него почти не было войскъ. Понятно поестественному, почему пруссаки не рѣшились сразу отложитьсь отъ Наполеона и выжидали болѣе рѣшительныхъ событій. Еще въ самомъ концѣ декабря 1812 г. король говорилъ главѣ своего правительства князю Гарденбергу, что нужно нанести ударъ французамъ при ихъ отступленіи и уничтожить ихъ. Но не въ характерѣ Фридриха-Вильгельма III было сразу рѣшать что-либо; онъ ждалъ, какъ отнесется къ разгрому великой арміи Австріи, ждалъ новыхъ успѣховъ русскаго оружія, надѣялся на осложненія внутри самой Франціи.

Событія не заставили себя ждать и предупредили вѣлаго и нерѣшильного короля. Вступивъ въ пограничную съ Пруссіей Польшу (герцогство Варшавское) вслѣдъ за отступающими французами, русскіе генералы употребили всѣ усилия, чтобы побудить генерала Йорка, командовавшаго прусскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, отложитьсь отъ Франціи и перейти на сторону Россіи. Йоркъ колебался. Это былъ человѣкъ сильнаго характера, ненавидѣвшій притомъ Наполеона всѣми силами своей души; но онъ понималъ, что, измѣнивъ Наполеону, онъ поставитъ на карту не только свою собственную голову, но отчасти и судьбу всей Пруссіи. Поэтому онъ обратился за инструкціями къ королю. Отвѣтъ послѣдовалъ неопределенный; король находилъ еще преждевременнымъ открытый разрывъ съ Наполеономъ и совѣтовалъ ждать и избѣгать опрометчивыхъ поступковъ. Но ждать больше было невозможно. При извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи вся нація пришла въ необычайное возбужденіе; всѣ вѣрили, что дни французскаго владычества прошли, и для Пруссіи настала пора отмщенія; народъ былъ охваченъ воинственнымъ энтузіазмомъ, и дальнѣйшее выжиданіе было въ его глазахъ не благородѣзумной осторожностью, а измѣнной національному дѣлу, отказомъ слѣдовать голосу національной совѣсти. Тогда Йоркъ рѣшился. Собравъ офицеровъ своего отряда, онъ сказалъ имъ: «Господа, французская армія уничтожена мстительной рукой Бога. Насталъ часъ, когда мы можемъ вернуть нашу независимость, соединившись съ русской арміей. Пусть тѣ, кто рѣшился, какъ я, пожертвовать своей жизнью для родины и свободы, слѣдуетъ за мной; пусть остальные удалятся... Если дѣло удастся, король, быть-можетъ, простить мнѣ; если погибъ, я лишусь головы. Въ этомъ случаѣ я поручаю моимъ друзьямъ заботу о моей женѣ и моихъ дѣтиахъ». На другой день послѣ этого (31 декабря 1812 г.) въ Таврогахъ на почвѣ Польши онъ подписалъ съ русскимъ генераломъ Дибичемъ соглашеніе, по которому обязался не воевать съ русскими, и лишь послѣ этого послалъ письмо королю, въ которомъ объяснялъ ему причину своего отпаденія отъ Франціи. Онъ писалъ ему: «Теперь или никогда насталъ

часть завоевать свободу, независимость, величие... Нуженъ былъ примъръ для малодушныхъ; Австрія послѣдуетъ примъру вашего величества».

Фридрихъ - Вильгельмъ III продолжалъ играть двойственную игру и послѣ смѣлаго поступка своего старого генерала. Въ угоду Наполеону онъ не только не утвердилъ Таврожского соглашенія, но и издалъ указъ обѣ отрѣшніи Іорка отъ должности и обѣ его арестъ и далъ даже согласіе поставить всѣ прусскія войска подъ команду французскаго главно-командующаго. Осуждая Іорка, король руководился, кромѣ боязни Наполеона, и вполнѣ самостоятельнымъ чувствомъ. Ему было непріятно, что война за нѣмецкую независимость начиналась съ матежа, что патріотической поступокъ Іорка выступалъ въ свѣтъ революціоннаго акта; онъ

Битва при Бауценѣ.

боялся, какъ бы нація, ободренная поступкомъ Іорка, не стала дѣйствовать и въ другихъ дѣлахъ слишкомъ самостоятельно, не дожидаясь королевскаго ободрѣнія и разрѣшенія. Но, съ другой стороны, онъ былъ не прочь использовать Таврожское соглашеніе, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ, на сторону которыхъ теперь довольно очевидно склонялся перевѣсь на поляхъ битвъ; поэтому онъ велѣль передать Александру, что, хотя онъ не можетъ утвердить Таврожское соглашеніе, но вполнѣ одобряетъ его и ждетъ прихода русскихъ войскъ на Одеръ, чтобы вступить въ союзъ съ ними.

Но долго держаться такого двуличнаго положенія было невозможно. События развивались съ поразительной быстротой. Всльдъ за Таврожскимъ соглашеніемъ французскія войска принуждены были очистить всю

Пруссію (кромъ Данцига) и русскія войска вступили въ восточную Пруссию. Кутузовъ опубликовалъ прокламацію, въ которой призывалъ пруссаковъ покинуть «дѣло Наполеона» и «преслѣдовать лишь свои собственныe интересы». Эта прокламація была сигналомъ къ настоящему восстанію. Примѣръ Іорка, поднявшаго оружіе противъ французовъ безъ королевскаго разрѣшенія, оказался заразительнымъ, и населеніе восточной Пруссіи, также не дожидаясь королевскаго согласія, само организовало борьбу противъ Наполеона. Возбудителемъ общества и организаторомъ народнаго движенія здѣсь явился старый борецъ за національную независимость баронъ Штейнъ. Онъ прѣхалъ въ Пруссію, какъ комиссаръ Александра, и опирался на полномочія, полученные изъ рукъ русскаго императора; но онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ,увѣренный въ сочувствіи прусскаго народа, какъ признанный вождь своей ильмѣцкой родины. Онъ созываетъ областной сеймъ восточно-пруссской провинціи, издаетъ воззванія ко всему ильмѣцкому народу и приводить всю Пруссію въ волненіе. Его не смущаетъ то, что король отмѣняетъ его распоряженія изъ робости предъ Наполеономъ и по непривычкѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; его не лишаетъ бодрости и то, что недовѣрчивые прусскіе генералы и боязливые чиновники вынуждаютъ его покинуть Кенигсбергъ, где онъ было основанія,—онъ знаетъ, что логика событий на его сторонѣ и что подъ напоромъ народнаго воодушевленія королю недолго удастся играть его безопаснью, но обидную для національного самолюбія двойственную роль. Дѣятельность Штейна принесла обильные плоды,—созванный имъ восточно-пруссій сеймъ созвалъ (опять-таки безъ королевскаго согласія) наскоро обученное Шарнгорстомъ мѣстное ополченіе и, благодаря этому, въ рукахъ пруссаковъ оказалось сразу около 60.000 войска; этимъ нарушены были условія тильзитскаго мира и положено начало всеобщему національному вооруженію. Начинались восстанія и въ другихъ частяхъ Пруссіи. Королю, если онъ не хотѣлъ стать измѣнникомъ національному дѣлу и обратить народное восстаніе, направлявшееся пока на французовъ, противъ самого себя, надо было рѣшиться. Но и тутъ его можно было увлечь лишь обманомъ. Глава правительства князь Гарденбергъ увѣрилъ короля, что начальникъ французскаго гарнизона въ Берлинѣ генераль Ожеро собирается арестовать его; король повѣрилъ, и 22 января 1813 г. покинулъ Берлинѣ и перѣхалъ въ Бреславль. Тамъ онъ получилъ письма отъ Александра, въ которыхъ русскій императоръ обѣщалъ ему, что не успокоится, пока Пруссія «не вернетъ весь свой блескъ и могущество». Туда стеклись къ нему и сторонники прусской независимости,—между ними прежде всего Шарнгорстъ. Здѣсь и король сталъ дѣйствовать болѣе смѣло. Не рѣшаясь все еще на открытый разрывъ съ Наполеономъ, онъ учредилъ (28 января) комитетъ арміи, который долженъ былъ привести прусскую армію на военное положеніе. Черезъ 10 дней послѣ этого онъ предложилъ всѣмъ привилегированнымъ, свободнымъ отъ воинской повинности, «вооружиться и снарядиться на свой счетъ». Это было обращеніемъ къ патріотизму высшихъ сословій, предложеніемъ добровольно вступить въ составъ арміи; но Шарнгорстъ убѣдилъ короля, что въ военное время нельзѧ полагаться только на одни патріотическія чувства, а нужны и законы, имѣющіе обязательную силу. 16 февраля

король издалъ указъ, которымъ всякия льготы на военное время отмѣнялись; нужно прибавить, что онъ послѣ этого никогда не возстановлялись въ Пруссіи. Нѣсколькими днями раньше даровано было прощеніе и возвращено командование Іорку. Всльдъ за тѣмъ настало время и для окончательнаго разрыва съ Наполеономъ. Теперь вопросъ о союзѣ съ Александромъ былъ уже рѣшень, и оставалось опредѣлить, на какихъ условіяхъ онъ будетъ заключенъ. Пруссія хотѣла получить для себя герцогство Варшавское и желала добиться отъ Александра формальныхъ гарантій на этотъ счетъ. Но Александръ, чувствовавшій себя господиномъ положенія, хотѣлъ сохранить за собой право вознаградить короля Пруссіаго по своему усмотрѣнію, и совсѣмъ не имѣть желанія отдавать ему Варшавскаго герцогства, которое онъ имѣлъ въ виду для себя. Поэтому онъ не желалъ заключать пока никакихъ письменныхъ договоровъ. Посланному короля (Кнезебеку) онъ заявилъ: «Ниакихъ трактатовъ не нужно,—Пруссія должна порвать немедленно», а самому королю онъ въ то же время писалъ:

«Дружба, довѣріе, настойчивость и смѣлость, — осталъное свершитъ Провидѣніе». Сила была на сторонѣ Россіи; надъ прусскимъ королемъ висѣлъ двойной Дамокловъ мечъ—наполеоновскаго возвращенія и народнаго восстанія, и онъ приужденъ былъ уступить. 28 февр. 1813 г.

въ г. Калишъ рус-

скимъ (кн. Кутузовымъ) и прусскимъ (кн. Гарденбергомъ) уполномоченными было подписано соглашеніе, по которому Россія обязывалась не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ своеемъ прежнемъ (т.-е. до войны 1806 г.), статистическомъ и географическомъ объемѣ; болѣе точныхъ гарантій русскій императоръ не хотѣлъ дать. Обѣ державы обязались немедленно соединить свои арміи, не заключать съ Франціей никакихъ отдѣльныхъ договоровъ безъ вѣдома и согласія другой стороны и предложить Австріи примкнуть къ ихъ союзу. Послѣ этого русскія войска перешли черезъ Одеръ и скоро затѣмъ вступили въ Берлинъ. 15 марта царь выѣхалъ въ Бреславль и лично встрѣтился тамъ съ прусскимъ королемъ. На другой день послѣ этого Пруссія формально объявила войну Франціи. Къ оружію было призвано первое ополченіе Пруссіи (*Landwehr*), а еще черезъ мѣсяцъ и второе (*Landsturm*); вся Пруссія была теперь мобилизована, безъ различія происхожденія. Генералъ Витгенштейнъ въ изданной имъ прокламаціи къ германскому народу обращался къ демократическимъ чувствамъ нѣмцевъ и указывалъ имъ на то, что въ рядахъ прусской арміи

„1813 г.“ (Карт. Brausewetter).

«бокъ о бокъ стоять сынъ крестьянинъ и княжскій сынъ». Прусскую націю охватилъ порывъ величайшаго воодушевленія. Со всѣхъ сторонъ въ казну потекли добровольныя пожертвованія; считалось позорнымъ хранить у себя дома серебро. Въ армію рѣкой потекли добровольцы. Студенты, даже гимназисты старшихъ классовъ шли почти поголовно въ солдаты. Въ лѣтній семестръ 1813 г. въ Берлинскомъ университете числилось всего 28 студентовъ. Остальные были на войнѣ. Профессора университета съ каѳедръ призывали студентовъ къ борьбѣ за родину. Священники благословляли солдатъ на улицахъ. Поэзія прониклась необычайной воинственностью, и поэты слагали «одѣтые въ латы сонеты» (Шенкендорфъ), пѣли «пѣсни лиры и меча» (Кѣрнеръ).

Возставшая противъ Наполеона Пруссія была лишь аванпостомъ всей остальной Германіи. Въ ней было только болѣе живыхъ силъ, чымъ въ другихъ германскихъ государствахъ, болѣе активности; но сознаніе позора наполеоновскаго владычества гнело и остальныхъ нѣмцевъ съ одинаковой силой. Александръ и Фридрихъ - Вильгельмъ рѣшили воспользоваться этой национальной ненавистью всего германскаго народа противъ французовъ. Для Александра пріятнѣе было выступить въ роли спасителя не одной только Пруссіи, но и всей Германіи.

Кромѣ того, онъ понималъ, что борьба съ Франціей будетъ очень трудна, пока Австрія, Рейнскій союзъ и нѣмецкія страны, присоединенные къ французской имперіи, останутся вѣрными Наполеону. Что касается до Фридриха-Вильгельма III, то для него возрожденіе Германіи силами Пруссіи (хотя бы и отчасти) было средствомъ къ пріобрѣтенію первого мѣста среди всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государей, быть-можеть, даже къ германскому единству подъ главенствомъ Пруссіи. Давнишній апологетъ германскаго единства Штейнъ прибылъ въ Бреславль и убѣдилъ короля въ предстоящей борьбѣ съ Наполеономъ поднять знамя обще-германскаго освобожденія. Его стараніями 19 марта въ Бреславль между Пруссіей и Россіей было подписано соглашеніе, по которому оба государи обязались доставить независимость всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и призывали ихъ порвать съ Наполеономъ и примкнуть къ союзникамъ. Тѣмъ изъ германскихъ государей, которые не захотѣли бы соединиться съ Россіей и Пруссіей, союзники грозили потерей ихъ владѣній. Это было мобилизаціей всѣхъ европейскихъ силъ противъ Франціи, подобно тому, какъ раньше Франція мобилизовала силы Европы для борьбы противъ своихъ враговъ. Союзники, такимъ образомъ, у самихъ французовъ научились средствамъ борьбы съ Франціей, усвоили ея военные приемы и подъ предлогомъ утвержденія национальной независимости лишали германскія націи всякой возможности независимаго образа дѣйствій. Казалось, возвращались времена международной диктатуры Конвента и Наполеона, но только съ перемѣнной актеровъ, игравшихъ главныя роли. Но на ряду съ стремленіемъ къ международной диктатурѣ въ Бреславльскомъ договорѣ была и другая сторона. Союзные государи дѣлали попытку связать германскія государства болѣе или менѣе прочными узами и закладывали первыя звенья германскаго единства. Не даромъ такъ старался о заключеніи этого договора главный противникъ нѣмецкаго партикуляризма Штейнъ. По договору 19 марта всѣ занятыя союзными войсками нѣмец-

кія государства раздѣлялись на 5 областей, и управлениe ими ввѣрялось съ одной стороны союзнымъ военачальникамъ, а съ другой—комитету изъ делегатовъ Пруссіи и Россіи¹⁾ съ присоединенiemъ къ нимъ делегатовъ и отъ другихъ нѣмецкихъ государствъ (по мѣрѣ ихъ примыканія къ союзникамъ). Этимъ центральнымъ властямъ всей Германіи предоставлялось право производить наборы въ занятыхъ странахъ, организовывать въ нихъ народныя ополченія, взимать съ населенія налоги на военные нужды, управлять ими въ теченіе войны. Въ сущности, если бы эти порядки удержались и по окончаніи войны, вся Германія получила бы общее управлениe. Въ прокламаціи къ нѣмецкой націи, которую черезъ нѣсколько дней послѣ этого издалъ Кутузовъ, прямо говорилось о «Германіи обновленной, сильной и единой»; Рейнскій союзъ объявлялся въ ней «ложевой цѣпью, съ помощью которой духъ узурпациіи снова сковалъ расшатанную Германію», и какъ «неотъемлемая права» народовъ—проводзглагались «свобода и независимость». Это былъ тотъ языкъ, котораго такъ ждали всѣ искренніе сторонники германскаго обновленія, и немудрено, что за торжественнымъ тономъ воззванія, за его эффектными фразами о независимости и свободѣ «всѣхъ народовъ Европы» они дѣлали видъ, что не замѣтили, что, принуждая нѣмецкія государствы къ борьбѣ противъ Наполеона, союзники этимъ самыми накладывали тутъ же узду на независимость нѣмцевъ, что, говоря о свободѣ, они только что повергли во прахъ вѣрный Наполеону польскій народъ и рѣшили вопросъ о новомъ раздѣль Варшавскаго герцогства, — что уже тогда рѣшено было отдать стремившихся къ національной независимости итальянцевъ подъ чужеземную власть Австріи...

Вслѣдъ за Бреславльскимъ соглашеніемъ началась новая война,—т. н. нѣмецкая кампанія 1813 г. Военные события скоро показали, какъ мало соответствовали тогда фактическія силы союзниковъ ихъ притязаніямъ спасителей Европы отъ Наполеона, и какъ могущественъ еще былъ французскій императоръ. Только первые дни весенней кампаниіи, когда Наполеонъ еще лишь собиралъ войска, союзники имѣли успѣхъ. 26 марта пруссаки заняли столицу Саксоніи—Дрезденъ и изгнали оттуда саксонскаго короля (онъ же и герцогъ варшавскій), оставшагося вѣрнымъ союзникомъ Наполеона. Но ихъ торжество было непродолжительно. Вернувшись въ Парижъ Наполеонъ быстро набралъ новую армію и добылъ новые финансовые средства. Не только очередные солдаты, но и призывъ

„Возстаніи и ходи“. Освобожденіе Берлина 1813 г.
(Медальонъ гр. Толстого).

¹⁾ Предсѣдателемъ этого комитета съ начала апрѣля сталъ Штейнъ.

1814 г. былъ забранъ до срока; почти всѣ мужчины, не исключая недостигшихъ 20-лѣтняго возраста юношь, не исключая даже единственныхъ кормильцевъ семьи, были призваны подъ ружье. Весной и лѣтомъ 1813 г. всѣ полевые работы отправляли во Франціи одни женщины—мужчины были на войнѣ. У нихъ не было даже и рабочаго скота, потому что лошади были взяты для кавалерійской службы, и имъ приходилось взрывать землю заступами. Такими героическими средствами Наполеонъ собралъ до 500 тысячъ солдатъ, и почти половину ихъ послалъ противъ союзниковъ, сноваувѣренный въ своей непобѣдимости, полный рѣшиности не отдавать ни клочка изъ своихъ прежнихъ завоеваній. Союзныя войска насчитывали тогда около 220 тысячъ; силы противниковъ, такимъ образомъ, были почти равны, но на сторонѣ Наполеона стоялъ его незамѣнимый военный геній. Русскими войсками командовалъ Витгенштейнъ, во главѣ пруссаковъ стоялъ Блюхеръ. Всѣ битвы лѣтней кампаніи 1813 г. окончились пораженiemъ союзниковъ; у Вейсенфельса были разбиты русскіе; вслѣдъ за тѣмъ произошло и болѣе крупное сраженіе у Людена, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ принимали участіе почти 100.000 человѣкъ; союзники снова были разбиты, при чёмъ ихъ легло болѣе 20 тысячъ. Императоръ занялъ теперь Саксонію и, вступивъ въ Дрезденъ, возстановилъ на престолъ саксонскаго короля. Отъ Дрездена онъ пошелъ на Бреславль и въ новой битвѣ при Бауденѣ разбилъ союзныя войска. На этотъ разъ побѣда далась не легко Наполеону; 12 тысячъ французовъ выбыло изъ строя, но теперь почти вся Силезія, Вестфалія и Ганноверъ оказались въ его рукахъ; союзники растерялись и не знали, что дѣлать. Казалось возвращались времена мірового могущества Наполеона.

Но положеніе французскаго императора было все-таки трудно. Постоянныя войны утомили его армію; офицера съ неудовольствіемъ спрашивали, почему императоръ, постоянно побѣждая, все-таки долженъ непрестанно воевать, и битва слѣдуетъ за битвой, одна кровопролитнѣй другой. Не одна армія, но и вся страна была измучена необычайно долгой войной, требовавшей огромныхъ жертвъ деньгами и людьми. Императора упрекали въ любви къ войнамъ ради самихъ войнъ. Наполеонъ зналъ, что лишь одна неудача на полѣ битвы,—и тронъ начнетъ колебаться подъ нимъ. Поэтому-то онъ рѣшилъ дать всѣмъ доказательство своего миролюбія. Какъ разъ въ то время Австрія предложила Наполеону свое посредничество между нимъ и союзниками, съ цѣлью добиться мира. Являясь посредницей между воюющими сторонами, Австрія ставила себя въ очень выгодное положеніе, потому что свои мирныя предложения она всегда могла подкрѣпить силой оружія. Наполеонъ не принялъ во вниманіе, что, соглашаясь на австрійское предложеніе, онъ ставилъ себя въ зависимость не только отъ русско-prusскаго союза, но и отъ Австріи,—и согласился на прекращеніе военныхъ дѣйствій. 4 июня 1813 г. имъ было заключено съ русскими и пруссаками т. н. Плессвицкое перемиріе до 28 июля. Этимъ перемиріемъ и окончилась лѣтняя кампанія 1813 года.

B. Перцевъ.